

и ношех бываетъ абие отецъ монастыря яко въ иступлении, в виде Спаса, помиловавша брата моления ради их. Дьявол же стоя съпротив, уничижая и глаголя: владыко, мои есть сѣи, мое дѣло сътворилъ есть, и азъ сътвори хъ его съдѣлати се: правосудия еси, господи, правосуди. Отвеща ему спасъ, глаголя: правосудия есмь, нѣ и милостивъ, и правдѣ и человеколюбію моему нѣст конца. Да поне же милостивъ есть и человеколюбив, достойно ест не презрѣти толикихъ мужъ моления, приносимыхъ о единомъ съгрѣшшем... сия госпodeви рекшу, посрамися дьяволъ, и невидимъ бысть. Въ себѣ бывъ от видѣнна игумень, повѣда вся видѣннаа братиямъ, и възвеселишися, благодаряще бога. И начатъ лице брату очищатися от черноты оная, и извещение приемше, яко причте господь душу брата въ чину праведныхъ, и абие погребошя тѣло его, радуящися о бывшемъ прѣславнѣмъ спасении брата, яко «близъ господь всѣмъ боящимся его, и призывающихъ истинною»... (Велкие Минеи Четии (декабрь, 31), М., 1914, л. 747 г—л. 748 в).

Как видим, фабульная схема указанных повестей та же, что и легенды о Щиле: внезапная смерть грешника, молитвы о спасении души грешника, страдающей в аду, чудесные знаменья, общая радость по случаю избавления грешника от адских мук.

Отмечу сходство некоторых частных: сын Щилов творит поминанье по душе отца по приказанию архиепископа — братия молится о спасении души монаха Иуста по повелению игумена (папы Григория), старцы просят бога помиловать их грешного брата, почерневшего «яко ефиоп», по предложению старца отца обителей; по молитве сына, голова Щила освобождается из адской пропасти — наставник нерадивого мниха «узре своего брата, стояща до выя в пламени»;¹ «образ» Щила по мере возносимых за его душу молитв стал чудесно видоизменяться — почерневшее лицо грешного брата «начат очищатися от черноты».

Сходство указанных повестей с легендой о Щиле нельзя признать случайным; носителям устной легенды о Щиле, очевидно, эти повести были известны. Патерики принадлежали к числу наиболее популярных четвйх книг нашей древности;² легенда о Щиле, постепенно приобщаясь к литературной традиции, рано или поздно должна была вобрать в себя ее отдельные элементы.

¹ Этот мотив легендой о Щиле утроен.

² См. И. Еремин, «Сводный» патерик у південно-слов'янських, українському та московському письменствах. У Києві, 1927, с. 59—60 (отт. из Записок І ст.-філолог. Відділу ВУАН, кн. XII, XV, XVI).